

ГЛАВА 1

Сейчас, когда прошло столько лет и все забылось, сейчас, когда я получил из Шотландии короткое сообщение — печальную весть о смерти Селдома, думается, я могу нарушить обет молчания, хотя на самом деле Селдом никогда ни обещаний, ни уж тем более клятв с меня не брал. Я хотел бы рассказать правду о событиях, о которых летом 1993 года английские газеты писали под пугающе мрачными или скандально громкими заголовками, — иначе говоря, рассказать о том, что мы с Селдомом называли тогда — не без намека на связь с математикой — либо просто «серией», либо «оксфордской серией». Все те люди действительно погибли в Оксфордшире, и произошло это вскоре после того, как я приехал в Англию. Мало того, судьба удостоила меня сомнительной чести: я оказался в непосредственной близости от первого преступления.

Мне было двадцать два года, а в таком возрасте многое прощительно. Я только что окончил

университет в Буэнос-Айресе, защитил работу по топологии и, получив годовую стипендию, отправился в Оксфорд. У меня было тайное намерение переключиться на математическую логику или по крайней мере позаниматься в знаменитом семинаре под руководством Ангуса Макинтайра. Моя будущая научная руководительница Эмили Бронсон весьма заботливо подготовилась к моему прибытию, иначе говоря, не упустила из виду даже самые мелкие бытовые детали. Она была профессором и членом совета колледжа Святой Анны. Мы обменялись с ней несколькими электронными письмами, и она посоветовала мне поселиться не в комнатах, предоставляемых колледжем — по ее мнению, не слишком удобных, — а снять, если стипендия мне позволит, комнату с душем, туалетом, маленькой кухней (и, разумеется, отдельным входом) в доме миссис Иглтон, очень приятной и тактичной, по отзыву Бронсон, пожилой женщины, вдовы ее бывшего учителя. Я оценил, как всегда слишком оптимистично, свои материальные возможности и послал в Оксфорд чек в качестве аванса за первый месяц проживания — таково было единственное условие моей будущей хозяйки. Через две недели я уже летел над Атлантическим океаном, еще не до конца поверив в реальность происходящего, как нередко с нами бывает в начале путешествия. Мне казалось, будто

я прыгнул в бездну без страховки. Будто вот-вот что-нибудь случится, и я либо вернусь назад, либо рухну на дно морское, прежде чем внизу появится спасительная суша и меня закрутит волна забот, связанных со вступлением в новый жизненный период. Тем не менее точно по расписанию, ровно в девять утра следующего дня, самолет спокойно пробурлил слой тумана, и зеленые холмы Англии с несомненной очевидностью возникли передо мной в свете, который постепенно стал смягчаться или, лучше сказать, таять, потому что создавалось именно такое впечатление, что свет, по мере того как мы снижались, делался все более блеклым, словно тускнел, просачиваясь сквозь редкий фильтр.

Моя руководительница дала мне подробнейшие инструкции: в Хитроу я должен был сесть на автобус и доехать на нем прямо до Оксфорда, причем она несколько раз извинилась за то, что не сможет встретить меня на месте — всю ту неделю ей предстояло провести в Лондоне на конференции. Честно сказать, это обстоятельство не только не огорчило меня, но даже показалось большой удачей, ведь несколько дней я буду пользоваться полной свободой — то есть успею составить собственное представление о городе и смогу вольно побродить по нему, прежде чем приступлю к занятиям. Вещей у меня с собой было немного, так

что, когда автобус наконец остановился на площади, я вышел со своими сумками и пересел на такси. Стояло начало апреля, но, к счастью, я был в пальто: дул резкий ледяной ветер, а бледное солнце почти не грело. Несмотря на это, большинство людей, увиденных мною на площади, как и таксист-пакистанец, который вышел, чтобы открыть мне дверцу, были в рубашках с короткими рукавами. Я дал таксисту адрес миссис Иглтон. Пока он заводил мотор, я спросил, не холодно ли ему.

— О нет, ведь уже весна! — ответил он и в подтверждение своих слов радостно кивнул на рахитичное солнце.

Черный cab¹ торжественно двинулся в сторону главной улицы. Когда мы свернули налево, по обе стороны дороги я увидел сквозь приоткрытые деревянные ворота и металлические решетки аккуратные садики и безупречные газоны вокруг колледжей. Мы миновали церковь и маленькое кладбище с покрытыми мхом могильными плитами. Такси вскарабкалось вверх по Банбери-роуд, потом повернуло на Канлифф-клоуз. Теперь дорога вилась посреди огромного парка, за живыми изгородями из белой омелы стояли большие каменные дома, строгие и элегантные, которые заставляли вспомнить викторианские романы и описан-

---

¹ Такси (англ.).

ные в них вечерние чаепития, партии в крокет и прогулки по саду. Мы внимательно следили за номерами домов, чтобы не пропустить нужный, хотя мне казалось маловероятным, чтобы та сумма, которую я послал в качестве аванса, давала право поселиться в одном из подобных особняков. В самом конце улицы мы увидели несколько похожих друг на друга домиков, гораздо более скромных, но весьма симпатичных, с прямоугольными деревянными балконами. Они производили впечатление летних. Первый из них как раз и принадлежал миссис Иглтон. Я взял свои сумки, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Я знал, в каком году Эмили Бронсон защитила докторскую диссертацию, знал, когда появились ее первые научные публикации, из чего легко выводилось, что ей было лет пятьдесят пять, не меньше.

И я спрашивал себя, сколько же лет должно быть вдове бывшего учителя Эмили? Дверь открыла высокая и стройная девушка, приблизительно моя ровесница, с острыми чертами лица и темно-синими глазами. Она улыбнулась и протянула мне руку. Мы глянули друг на друга так, словно оба были приятно удивлены, хотя мне и почудилось, что уже миг спустя она с некоторой опаской отступила назад, отняв руку, которую я задержал в своей, пожалуй, на секунду дольше положенного. Она представилась: звали ее Бет. Затем девушка попыталась, хотя и не

вполне успешно, повторить мое имя. Бет провела меня в очень уютную гостиную, где пол покрывал ковер с серо-красными ромбами. Миссис Иглтон сидела в кресле, вытканном цветами, и с широкой радушной улыбкой протягивала ко мне обе руки. Это была старушка с живыми глазами, очень подвижная, с аккуратно уложенными седыми волосами — высокая прическа придавала ей горделивый вид. Пересекая комнату, я заметил, что неподалеку стоит сложенное инвалидное кресло-коляска. Ноги пожилой дамы укрывал шотландский клетчатый плед. Я пожал ей руку и успел почувствовать, как дрожат ее хрупкие пальцы. Она подержала мою руку в своей, а другой рукой несколько раз легонько похлопала по ней сверху, спрашивая, удачно ли прошло путешествие и впервые ли я в Англии. Потом с изумлением воскликнула:

— А мы не думали, что вы так молоды, правда, Бет?

Бет по-прежнему стояла у двери и молча улыбалась, потом сняла висевший на стене ключ и, обождав, пока я отвечу еще на несколько вопросов миссис Иглтон, мягко заметила:

— Бабушка, ты не думаешь, что пора показать гостю его комнату?.. Он ведь наверняка ужасно устал с дороги.

— Конечно, конечно, — поспешно ответила миссис Иглтон. — Бет вас проводит и все объяс-

нит. И, если у вас нет никаких планов на нынешний вечер, может быть, вы согласитесь поужинать вместе с нами? Мы будем очень рады...

Следом за Бет я вышел из дома. Мы спустились по лестнице, по которой я совсем недавно поднялся, потом спустились еще на несколько ступенек вниз — и очутились у маленькой дверцы. Бет чуть наклонила голову, вставляя ключ в замочную скважину, и провела меня в просторную, тщательно убранную комнату, расположенную ниже уровня земли, но где тем не менее было достаточно света благодаря двум окнам, устроенным под самым потолком. Бет расхаживала туда-сюда, объясняя, где здесь и что, выдвигала ящики, распахивала дверцы стальных шкафов, показывала посуду и полотенца — и это напоминало много раз повторенный концертный номер. Я ограничился тем, что посмотрел на кровать и заглянул в душ, а затем стал наблюдать исключительно за Бет. У девушки был здоровый вид, словно она много времени проводила на свежем воздухе и поэтому кожа ее загорела и обветрилась — кстати, именно такая кожа обычно быстро увядает. Если с первого взгляда я дал ей года двадцать три — двадцать четыре, то сейчас, при другом освещении, мне показалось, что ей никак не меньше двадцати семи, а то и двадцати восьми лет. Глаза у нее, надо отметить, были совершенно

необыкновенные: очень красивого насыщенного синего цвета, и они были спокойнее, чем остальные черты лица, как будто в них с некоторым опозданием отражались обуревавшие Бет эмоции. Длинное и свободное, как у крестьянки, платье с круглым вырезом мешало как следует оценить ее фигуру, хотя худобы и стройности все-таки не скрывало и даже позволяло угадать некоторые приятные округлости. Мне почему-то сразу захотелось подойти сзади и обнять Бет, может, потому, что спина ее выглядела какой-то хрупкой и незащитной, как часто бывает у высоких девушек. Обернувшись и встретив мой взгляд, Бет спросила, хотя, думаю, без малейшей иронии, не желаю ли я взглянуть на что-нибудь еще, и я смущенно отвел глаза и поспешно ответил, что все замечательно. Прежде чем она ушла, я довольно витиевато задал волновавший меня вопрос: должен ли я и вправду считать себя приглашенным на сегодняшний ужин? Она засмеялась и сказала, что, разумеется, они меня ждут — ровно в половине седьмого.

Я распаковал свой нехитрый багаж и положил на письменный стол стопку книг и несколько экземпляров собственной диссертации. Для белья мне хватило всего пары ящичков. Потом я решил прогуляться по городу. Взяв за точку отсчета церковь Святого Эгидия, я легко определил, где на-

ходится Институт математики — единственное здесь квадратное и, надо сказать, довольно уродливое здание. Я увидел лестницу, ведущую к входу, вращающуюся стеклянную дверь и решил, что в первый день моего пребывания в Оксфорде могу спокойно пройти мимо. Я купил сэндвич и устроил себе одинокий и поздний пикник на берегу Темзы, наблюдая за тем, как команды готовятся к регате. Потом я заглянул в два-три книжных магазина, поглазел на фигурные водосточные желоба, украшающие здание театра, пристроился в хвост к группе туристов, которую вели по галерее одного из колледжей, затем довольно долго шагал через огромный Университетский парк. В одном месте я различил за деревьями площадку, на которой машина стригла газон. Это были теннисные корты. Какой-то мужчина наносил белой краской разметку. Я с жадным любопытством наблюдал за его действиями и, когда рабочие устроили перерыв, спросил, скоро ли будут натянуты сетки. Сам я забросил теннис еще на втором курсе университета, и, понятное дело, мне и в голову не пришло взять с собой в Англию ракетку. Теперь же я пообещал себе немедленно купить новую и найти партнера для игры.

На обратном пути я зашел в супермаркет, запасся кое-какими продуктами, затем поискал винный магазин, где почти наугад выбрал бутыл-

ку вина к ужину. Я вернулся на Канлифф-клоуз, когда едва пробило шесть, но уже совсем стемнело и окна во всех домах светились. Меня поразило, что ни на одном не было занавесок. Надо полагать, подумал я, сей факт объясняется чисто английской — и, пожалуй, не всегда обоснованной — уверенностью, будто тактичность и сдержанность, свойственные жителям этой страны, никогда не позволят им подглядывать за чужой жизнью. А может, тоже чисто английской уверенностью, будто жители этой страны в своей частной жизни не делают ничего такого, что следует скрывать от посторонних глаз и за чем было бы интересно подглядывать. Не увидел я и решеток на окнах, у меня даже создалось впечатление, что и многие двери здесь скорее всего не имеют заповоров.

Я принял душ, побрился, выбрал рубашку, которая, полежав в сумке, измялась меньше других, и ровно в половине седьмого поднялся по лесенке и нажал на звонок бутылкой вина. Ужин прошел приятно, за столом царило искреннее, вежливое и чуть бесцветное радушие, к которому я со временем сумел привыкнуть. Бет немного принарядилась, но вот подкраситься все же не сочла нужным. Она надела черную шелковую блузку, а волосы причесала так, что они очень соблазнительно падали на одну сторону, закрывая шею.

Но, как я довольно скоро понял, постаралась она отнюдь не ради меня, Бет играла на виолончели в оркестре театра Шелдона — это было то самое полукруглое здание с фигурными водостоками, которое я видел во время прогулки. После ужина ей предстояло отправиться на генеральную репетицию, и некий счастливчик по имени Майкл через полчаса должен был за ней заехать. Возникла короткая неловкая пауза, когда я спросил, заранее уверенный в утвердительном ответе, не жених ли он ей. Женщины обменялись быстрыми взглядами, и вместо ответа миссис Иглтон спросила, не положить ли мне еще картофельного салата. До конца ужина Бет просидела со слегка отсутствующим и рассеянным видом, так что в какой-то миг до меня дошло, что беседую я исключительно с миссис Иглтон. Потом раздался звонок, и Бет нас покинула, после чего хозяйка дома заметно оживилась, словно разом спало некое напряжение. Она сама налила себе еще одну рюмку вина, и я долго выслушивал рассказы об удивительных событиях ее безусловно интересной жизни. В годы войны она, как и многие другие женщины, наивно откликнулась на призыв принять участие в национальном конкурсе любителей кроссвордов. Лишь потом выяснилось, что наградой всем победительницам стала мобилизация: их собрали в отдаленной деревушке, чтобы они помогали